

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Гребенщикова
Елена**

Георгиевна — доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент кафедры биоэтики Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова. В журнале “Человек” в соавторстве с Л.П. Киященко опубликовала статью «Молекулярный век — “окраина вечности?”» (2014. № 3). E-mail: aika45@ya.ru

Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ; проект № 15-18-30057.

ПРОЕКТЫ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ТЕЗИС ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕИЗБЕЖНОСТИ

© 2016

Е.Г. Гребенщикова

Проблема улучшения человека все больше привлекает внимание философов, социологов, специалистов по биоэтике и представителей других смежных дисциплин. В широком смысле улучшение человека можно определить как изменение внешности, тела или способностей, которое достигается с помощью лекарственных средств или технологических вмешательств в организм. Исследователи нередко разграничивают “сильные” формы усовершенствования с долгосрочными либо постоянными результатами и формы “временные”, обеспечивающие краткосрочные изменения.

Многое из того, что теперь рассматривается как улучшение человека, первоначально возникло в сфере биомедицины и было нацелено на решение терапевтических задач. Наиболее известный пример, который приводит американский футуролог Ф. Фукуяма в работе “Наше постчеловеческое будущее” [5], — использование в нетерапевтических целях препаратов “риталин” и “прозак”. В настоящее время “риталин” и сходные с ним по фармакологическим свойствам препараты, став синонимом “умных таблеток”, активно используются студентами разных стран для повышения когнитивных способностей и концентрации внимания при подготовке к тестам и экзаменам. Примерно та же ситуация складывается с “прозаком” и его аналогами, которые нередко рассматриваются как средства решения проблем социальной коммуникации и повышения самооценки.

Другой пример — пластическая хирургия, которая стала одним из методов следования моде. Так, развитие азиатской ринопластики (хирургическая коррекция носа), отражая влияние западной культуры на представления о красоте [13], уступает в Азии по популярности среди косметических хирургических процедур разве что блефаропластике (хирургическая коррекция век) [12]. Вместе с тем возникает все больше улучшающих препаратов и технологий, изначально ориентиро-

ванных на нетерапевтические цели. Вероятно, такая тенденция будет постепенно усиливаться и в той или иной степени подтверждать идеи неизбежности технологического улучшения человека.

Тезис неизбежности

По мнению Фр. Бейлис и Дж. Роберт, технологии генетического улучшения человека неизбежно повторяют путь, который прошли косметическая хирургия, трансплантация органов и операции по изменению пола. Резюмируя подходы ряда авторов, можно сказать, что “генетические технологии неизбежны — и даже желательны, — потому что они обещают обеспечить здоровье, успех, благосостояние и счастье, особенно для тех, кто в настоящее время находится в неблагоприятном положении” [7].

Тезис технологической неизбежности в генетике во многом согласуется с установками технологического оптимизма в реалиях “века биологии”. “Отец” водородной бомбы Э. Теллер в середине XX века утверждал, что «ученый — а тем самым также и человек техники — “должен применять то, что он понял”, и “при этом не ставить себе никаких границ”: “что можно понять, то следует также и применять”» [2]. В этой метаморфозе кантианского принципа “должен — значит можешь” Х. Узбекхан видит триумф технологии и переход к принципу “можешь — значит должен” [18]. Технологический императив — суждение, в соответствии с которым все то, что становится технически осуществимо, неизбежно будет реализовано [6], — возник в период действительно триумфального развития физических наук и инженерии. Полет человека в космос, разработка точных атомных часов, развитие технологий коммуникации хорошо демонстрируют направленность науки прошлого столетия. Надежды нового века не в последнюю очередь связаны с решением множества проблем в сфере здравоохранения, в том числе и с помощью “омикс”-технологий (комплекс технологий геномики, протеомики, транскриптомики и др.), которые вполне могут открыть перспективы “дивного нового мира”, одновременно манящего и пугающего неизвестностью последствий. (Данная тема нашла отражение в технофутуристических сценариях фильмов “Гаттака”, “Бегущий по лезвию”, “X-men”.)

Генетика, будучи в авангарде высокотехнологичной медицины, демонстрирует тенденцию, которую в более широком контексте Б. Хофманн связал с технологическим императивом в медицине [10]. Трактовка последнего несколько выходит за рамки рассматриваемого контекста, но представляет интерес в более широкой теоретической перспективе. По мнению исследователя, технологический императив в медицине нередко предстает в виде *технологического монстра*. Речь идет о мета-

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

форическом объяснении технологического императива, которое демонстрирует угрозу новых технологий автономии человека. При этом возможны персонификация образа (чудовище Франкенштейна) или придание ему самостоятельного онтологического статуса. Технологический императив также может объясняться *недостатками природы человека*. В данном контексте целесообразно обратиться к пяти характеристикам, которые, как утверждает Э. Касселл, способствуют автономному росту технологий [9]:

- технологии обращены к человеческому любопытству, завораживают человека и удовлетворяют его потребность в удивлении;
- человеку необходимы факты и немедленные результаты, которые могут обеспечить диагностические исследования, тесты, анализы и т.п. С этой точки зрения технологии идеально соответствуют намерению не только пациента, но и врача получить ответ здесь и сейчас. Кроме того, результаты лабораторных анализов и других диагностических процедур нередко рассцениваются как прямой доступ к области заболевания — на первый план выходят не врачебное мастерство или интуиция, а набор готовых данных;
- технологии отвечают стремлению человека к определенности. Случаи сложного выбора характерны для медицины, где технология может выступать способом решения или ухода от дилеммы;
- технологии используются, чтобы избежать неопределенности и подтвердить правильность выбора и действий;
- технологии привлекают своими возможностями, они открывают новый потенциал для действий, тем самым удовлетворяя стремление к власти. Объяснение технологического императива в медицине с позиции недостатков природы человека неизбежно приводит к выводу о дальнейшей технологизации данной сферы.

Широкое применение технологий в здравоохранении связано и с таким пониманием императива, как *общая вера в технологию*. Существует твердая установка: качество медицинских услуг должно повышаться за счет применения технологических инноваций. Пациенты удовлетворены, если им предлагают пройти МРТ, КТ, ПЭТ, а также лечение с помощью новейших методов хирургии, и выражают недовольство в случаях, когда рекомендуется изменить диету или заняться физическими упражнениями. Необузданный оптимизм по отношению к технологиям приводит к переоценке степени контроля и недооценке негативных побочных эффектов. Всеобщая вера в технологии тесно связана с мифом о прогрессе: последний является самоцелью, технологии же — его необходимый атрибут. Став символом прогресса и культуры, технологии оказались настолько социально усвоенными, что практически не возникает повода поразмышлять над ними. Эта же вера привела к ситуациям,

когда проблема предполагает “поиск технологического решения”, а технологии стали частью “медицински ритуализованного оптимизма”.

Еще одно измерение технологического императива в медицине — *несоответствующая оценка*, то есть принятие той или иной новой технологии прежде, чем будет доказана ее безопасность или эффективность. Безусловно, это не означает, что в сфере здравоохранения отсутствуют механизмы и структуры, нацеленные на защиту здоровья пациента. Однако, исходя из интересов пациента, надо констатировать: новые возможности диагностики, терапевтической и даже паллиативной помощи не всегда лучше уже имеющихся и достаточно опробованы в практике, но, как правило, более дорогие. Соответственно одна из особенностей технологического императива в медицине — это описание технологий в пространстве, которое определяют интересы компаний, политиков и врачебного сообщества. Правда, они не всегда учитывают главное — результат для пациента.

Другой вариант трактовки рассматриваемого императива в медицине — *технологическое установление болезни*. Утверждая, что технологии конституируют понятие болезни, Б. Хофман исходит из того, что они применяются для постановки диагноза, влияют на объяснительные модели болезни и медицинскую систематику [11]. Соответственно выявление, лечение и постижение ишемии миокарда или гиперхолестеринемии оказываются тесно связанными с возможностями технологического оснащения медицины. И наконец, *мотивы для применения технологий в медицине*. При таком понимании технологического императива мотивы могут связываться с различными интересами — экономическими, профессиональными, промышленными — на разных уровнях системной организации здравоохранения.

Неизбежность развития генетических технологий

Утверждая неизбежность развития практик генетического улучшения, Фр. Бейлис и Дж. Роберт основываются на ряде предпосылок [7]. Первая из них — приверженность современного общества ценностям капитализма. Если вопрос безопасности той или иной технологии не вызывает сложных проблем, то остальные вопросы сводятся к коммерческой рентабельности. А в условиях глобального рынка экономические интересы ведут к решению проблемы запретов — то, что ограничено или запрещено в одной стране, может разрабатываться и применяться в другой. По мнению А. Корсани, главная метаморфоза современного капитализма связана с новыми отношениями между капиталом, знанием и жизнью, в которых «развеиваются последние малейшие иллюзии об автономии

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

науки (от капитала). Теперь впору говорить о биотехнонауке, стирающей грани между наукой и политикой, наукой и обществом, наукой и культурой. Отношения “знание — сила” (Фуко), являющиеся сущностью научной практики, сегодня оказываются тесно связанными с самими отношениями производства и конфликтами, их пронизывающими. Технологии, лежащие в основе нового капитализма, — это технологии генетические, био-, а также коммуникационные технологии, технологии видения и восприятия, и информационные технологии образуют с биотехнологиями различные гибридные формы» [3]. Чтобы акцентировать центральное положение наук о жизни, К.С. Раджан предложил термин “биокапитализм”, подчеркивая, что перемещение капитала в сферу этих наук является явным признаком новой фазы капитализма [19].

Другая причина — влияние транснациональных корпораций, коммерческие интересы которых могут быть очень значимы в глобальной конкуренции за влияние и доминирование на рынках “биокапитализма”. Симптоматично, что именно биотехнологическая транснациональная компания “Монсанто” по опросу (51% из 16 тыс. человек) портала “Naturalnew” в январе 2011 года стала “самой злой корпорацией” [15]. В противостоянии противников распространения продукции “Монсанто” и их сторонников тесно переплетается, как и во многих других социально значимых проблемах, множество переменных — социальное восприятие риска, проблемы безопасности и ответственности. Несмотря на отсылки к научным исследованиям о безопасности ГМ-продукции, общественность ряда стран выступает против использования ГМ-технологий в сельском хозяйстве, а публикации независимых исследователей инициируют не только общественные обсуждения, но и судебные разбирательства. Вот случай, произошедший не так давно в связи с публикациями профессора Ж.-Э. Сералини. В 2012 году журнал “Food and Chemical Toxicology”¹ опубликовал статью Сералини с соавторами, где приводились результаты влияния долгосрочного питания ГМ-кукурузой, устойчивой к раундапу, на крыс. Авторский коллектив констатировал, что животные, которые питались ГМ-кукурузой, в два — пять раз чаще заболели раком, в отличие от тех, которых кормили здоровым кормом. Результаты исследований вызвали большой общественный резонанс, а авторы публикации получили множество критических замечаний и обвинений в недобросовестном проведении исследований. В развернувшейся полемике Сералини утверждал, что “преступлением” является прежде всего бездействие властей, которые ни разу не инициировали долгосрочного, независимого и объективного исследования влияния ГМО на здоровье. В ноябре 2013 года журнал отозвал упомянутую статью [8]. Однако в 2014 году она была вновь опубликована в другом рецензируемом журнале —

¹ На русский название можно перевести как “Пищевая химическая промышленность”.

“Environmental Sciences Europe”² [21]. А профессор в том же году получил премию “разоблачителя” (“whistleblower”) от Федерации немецких ученых и немецкой секции Международной ассоциации “Юристы против ядерного оружия”. В доводах противников ГМ-технологий присутствует слишком много утверждений, которые согласуются с мнением Фр. Бейлис и Дж. Роберт о том, что экономические интересы транснациональных компаний нередко перевешивают в споре между “деньгами и здоровьем”.

Третий фактор развития практик генетического улучшения — влияние “необдуманного либерализма”, который приводит к молчаливому попустительству и культурному релятивизму. Установки либеральной идеологии, по признанию многих исследователей, стали краеугольным камнем в формировании биоэтики с ее важнейшим принципом “уважения автономии пациента”. Поставив под вопрос патернализм в медицине, сторонники автономии пациента зашли слишком далеко — в область, которая не считалась прерогативой даже врача (“Богу — Богово, а кесарю — кесарево”), не то что пациента, а стала в ряде стран вполне рутинной практикой добровольной эвтаназии. В какой степени либеральные установки способствуют утверждению “новых стандартов” в биомедицине — вопрос дискуссионный, однако особую остроту он приобретает в сфере, где биомедицинские инновации ставят под сомнение личную автономию и ответственность, естественную данность и “генетическую лотерею”.

Неизбежность генетических технологий также связывается с постоянным стремлением человека к знанию и созданию чего-либо. “Наш направляемый любознательностью, основанный на знаниях мир очарован технологией, и в нем руководящей является мантра — если это может быть сделано, это будет сделано, и поэтому мы должны сделать это первыми” [7]. Американский философ Дж. Нейсбит, в свое время раскрывая противоречие между “глубокой гуманностью” и “высокой технологией”, писал: “Отравленные соблазнительными технологическими удовольствиями и обещаниями, мы поворачиваемся спиной к последствиям использования технологии и удивляемся при этом, почему будущее стало столь непредсказуемым. Очень немногие из нас отличаются ясным пониманием того, какое место технология занимает (или должна занимать) в нашей жизни, какое место должна занимать она в обществе и — а это самый фундаментальный вопрос — что она собой представляет. Мы даровали технологии особый статус, вообразив, что по некоему естественному закону, по неотчуждаемому праву наша повседневная жизнь, наш созидательный опыт и даже естественный мир вокруг нас — все это отдано под контроль все более сложных программных продуктов” [4]. Вопрос, поставленный Нейсбитом: “Спасет технология человечество или уничтожит его?”, — в контекстах актуальных дискуссий пере-

² На русский название можно перевести как “Европейская экологическая наука”.

формулируется как проблема поиска новых социогуманитарных подходов к ответственности и возможностей расширения каналов коммуникации между технойнаукой и обществом.

Еще один фактор развития практик генетического улучшения, по мнению исследователей, связан с конкурентной природой человека, всегда стремящегося к максимизации своих возможностей, а в сфере экономики — прибыли. Соревновательный дух присущ прежде всего спорту, который стал основной ареной борьбы фармацевтических и антидопинговых компаний. В результате «воображаемая граница между естественным и искусственно управляемым телом находится под постоянным наблюдением и подвергается непрерывному очищению (очищение по Латуру). Только благодаря этим процессам видимость природного сохраняется и принимается как свершившийся факт. Вот почему в ближайшем будущем генетический допинг будет восприниматься как последний рубеж и, безусловно, самая большая проблема для работы очищения со стороны антидопинговых организаций, действующих по классической схеме игры “казаки-разбойники”. Как только новое вещество или метод допинга становятся доступными, контролирующие органы тут же начинают предпринимать действия с целью его обнаружения. Но генетический допинг меняет ситуацию принципиально: если вмешательство происходит изнутри путем генетических изменений, обнаружить и выявить его практически невозможно» [16].

Финский лыжник Э. Мянтьюранта, выигравший на зимней Олимпиаде в Инсбруке (1964) сразу две золотые медали, имел генетическую мутацию, которая диагностируется как полицициемия. Для этого заболевания характерно повышенное число эритроцитов, что в видах спорта, требующих выносливости, дает явное преимущество. Такой же эффект достигается естественным образом с помощью тренировок на среднегорье или инъекцией искусственного гормона эритропоэтина, который можно выявить. Но если улучшающее вмешательство реализовать на уровне генома, то граница между естественным и искусственным окажется под вопросом, ответы на который могут иметь решающее значение не только для антидопинговых компаний, но и для понимания природы человека.

Генетический детерминизм

Обсуждение неизбежности проектов улучшения человека, а тем более самых радикальных, может рассматриваться и в перспективе генетического детерминизма — строгой причинно-следственной связи между генами и признаками [20]. Генетический детерминизм — это не только удачное выражение логики научного редукционизма, но и симптом определенной социокультурной ситуации. «...Каждая неделя приносит новое сообщение, устанавливающее связь какого-нибудь фи-

зиологического заболевания или психологического бзика с ДНК, которая с самого начала своей общественной карьеры была фетишизирована в качестве “кода творения”» [1], — отмечает Э. Дэвис. При этом некоторые авторы предлагают разграничить генетический детерминизм и фатализм [20]. Согласно последнему, независимо от действий человека он не может избежать некоторых генетически предопределенных результатов — его судьба в его генах. Последовательный перенос этих идей в общественную и политическую сферы приводит к выводу о том, что бóльшая часть социальных и политических реалий находится вне нашего контроля [14].

Недооценка взаимосвязи и взаимозависимости генов и окружающей среды, влияния множества генов на те или иные черты и свойства личности, экспрессии генов (процесс преобразования генетической информации в организме) может рассматриваться и как симптом отношений между наукой и обществом, научным знанием и когнитивными ресурсами неспециалистов. И дело не только в реальности “генетического супермаркета” (Р. Нозик), но и в том, что идеи репродуктивного конструктивизма — возможности проектировать ребенка по некоему образцу и подобию — оказываются весьма привлекательными, что находит отражение и в биоэтических дискуссиях.

Биоэтика, генетика и тезис неизбежности

Все аргументы Фр. Бейлис и Дж. Роберт тесно связаны с социальными, экономическими и политическими измерениями современного общества и во многих случаях действительно подтверждают логику “биокапитализма”. Так, с начала 2016 года в КНР официально перестала действовать политика “одна семья — один ребенок”, в результате чего значительно выросло число запросов на процедуры ЭКО. Вместе с тем увеличился поток репродуктивного медицинского туризма — с 5 агентств, организующих ЭКО за рубежом в 2013 году, до 50 в 2016 [17]. Но экстраполировать идеи неизбежности генетического улучшения на другие проекты, нацеленные на трансформацию тела, способностей или же природу человека, невозможно. Поскольку необходимо учитывать социальный консенсус и представления о допустимых вмешательствах в природу человека в тех случаях, когда речь идет о перспективах ее радикального изменения или нарушении сложившегося социального порядка. Например, использование “умных таблеток” студентами пока немногими воспринимается как средство, обеспечивающее конкурентное преимущество (подобно допингу в спорте) между молодыми людьми, хотя такие идеи высказываются. Однако подобное неравенство в образовании вполне может привести к ограничительным мерам и контролю, который опровергнет основные позиции сторонников не-

избежности. Например, такие действия уже предприняло руководство Уэслианского университета (город Мидделтаун, штат Коннектикут, США), внося поправки в студенческий кодекс поведения.

Исследователи подчеркивают, что каждая из позиций уязвима, но целостная оптика, суммируя все доводы, открывает совсем другую перспективу. И в ней есть обманчивый соблазн произвольного переноса: если факторы релевантны для генетического улучшения — они же заработают и в других случаях. Такой подход может способствовать только продвижению технократических подходов в медицине, но важнее, чтобы он стал предпосылкой для переосмысления ответственности и тех оснований, что определяют актуальные дискуссии, в том числе и в биоэтике.

Литература

1. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: АСТ, 2008. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=102873> (дата обращения: 11.05.2016).
2. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3132/3145> (дата обращения: 11.05.2016).
3. Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2007. Т. 61. №. 4. С. 131.
4. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М.: АСТ; Траюиткнига, 2005. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000769/st000.shtml> (дата обращения: 11.05.2016).
5. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3604/3605#t4>
6. Юдин Б.Г. Технологический императив // Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академ. проект, 2004. С. 249.
7. Baylis F., Robert J.S. The inevitability of genetic enhancement technologies // Bioethics. 2004. N 18(1). P. 18–19. URL: <http://www.ugr.es/~perisv/congresos/lecturasfc/2005-2006/Enhancement.pdf> (дата обращения: 11.05.2016).
8. Casassus B. Study linking GM maize to rat tumours is retracted // Nature. 2013. Nov. 28.
9. Cassell E.J. The sorcerer's broom: Medicine's rampant technology // Hastings Center Report. 1993. N 23. С. 32–39.
10. Hofmann B. Is there a technological imperative in health care? // International Journal of Technology Assessment in Health Care. 2002. Vol.18, N 3. С. 675–689.
11. Hofmann B. The technological invention of disease // Medical Humanities. 2001. Vol. 27, N 1. P. 10–19.
12. Ishii C.H. Current update in Asian rhinoplasty // Plastic and Reconstructive Surgery — Global Open. 2014. Vol. 4, N 2. e133.

13. Koh S.K., Choi J.W., Ishii C.H. Asian facial cosmetic surgery // Plastic Surgery: in 6 vol. 3rd ed. Vol. 2. L.: Elsevier, 2013. P. 163–183.
14. Lewontin R. Biology as ideology. Toronto: House of Anansi Press Limited, 1991.
15. Monsanto voted most evil corporation of the year by natural news readers. URL: http://www.naturalnews.com/030967_Monsanto_evil.html#ixzz3fgJJoO41 (дата обращения: 11.05.2016).
16. Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambr., MA: MIT press, 2010. P. 22.
17. Overseas fertility clinics are offering new hope for prospective parents — but are they trustworthy? // Global Times. Published: 24.05. 2016. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/984900.shtml> (дата обращения: 11.05.2016).
18. Ozbekhan H. The triumph of technology: “Can implies ought”. URL: <http://goo.gl/xwPH4r>
19. Rajan K.S. Biocapital: The constitution of postgenomic life. Durham; L.: Duke Univ. Press, 2006.
20. Resnik D.B., Vorhaus D.B. Genetic modification and genetic determinism // Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine. 2006. Vol. 1. N 1. URL: <http://www.peh-med.com/content/1/1/9> (дата обращения: 11.05.2016).
21. Séralini G.E. et al. Republished study: long-term toxicity of a Roundup herbicide and a Roundup-tolerant genetically modified maize // Environmental Sciences Europe. 2014. Vol. 26, N 1. P. 1–14.

НОВЫЕ КНИГИ

- Анисимов Е.* История России от Рюрика до Путина: Люди, события, даты. 4-е изд., доп. СПб.: Питер, 2014. 592 с.
- Арнольд К.* Микрорешения: Проверенный путь к достижению больших целей / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2014. 320 с.
- Мансуров Т.А.* Евразийская экономическая интеграция: опыт и перспективы. М.: Рус. раритет, 2014. 360 с.
- Мединский В.Р.* Скелеты из шкафа русской истории. М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. 528 с.
- Насурдинов Э.С.* Правовая культура: Монография. М.: Норма, 2014. 352 с.
- Пеннингтон М.* Классический либерализм и будущее социально-экономической политики / Пер. с англ. М.: Мысль, 2014. 452 с.
- Рис Л.* Нацисты: Предостережение истории / Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 464 с.
- Смолл М.* Дети: Как природа и культура формируют наши подходы к воспитанию / Пер. с англ. М.: СветЛю, 2015. 240 с.
- Форд Б.Д.* Секретное оружие Второй мировой: Великое интеллектуальное противостояние / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2014. 288 с.
- Фритц Р.* Путь наименьшего сопротивления: Как открыть в себе творческую личность / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2015. 288 с.